

Памяти Александра Платоновича Барсукова

† 15 АПРѢЛЯ 1914 ГОДА.

Посвящается Патриаршей Палаты соборному старцу
Алексѣю Константиновичу Варженевскому.*)

Въ Петербургѣ 15 Апрѣля сего 1914 года скончался послѣдній изъ братьевъ Барсуковыхъ, оставившихъ столь замѣтный слѣдъ въ исторіи русской образованности. Александръ Платоновичъ. Съ кончиной его отошла въ область воспоминаній многимъ памятная квартира братьевъ на Большой Морской въ домъ Тура, гдѣ они прожили столько лѣтъ, оставивъ послѣ себя цѣлую сокровищницу, главнымъ образомъ книжную и портретную, по отечественной исторіи, словесности, церковной исторіи и отчасти искусства. Оба брата были одинаково собирателями, но во всемъ остальномъ Николай Платоновичъ безспорно главенствовалъ. Въ Александрѣ Платоновичѣ не было того ума и своеобразнаго таланта, того блеска и поразительнаго знанія и чутья источниковъ, наконецъ того какъ бы средневѣковаго, монашескаго трудолюбія, какимъ владѣлъ старшій его братъ, которому онъ былъ всецѣло обязанъ и тѣмъ, что сдѣлался историкомъ и прикосновеннымъ къ литературѣ, но и онъ былъ въ высшей степени добросовѣстный, почтенный и трудолюбивый дѣятель, весьма не мало и съ успѣхомъ поработавшій на своемъ вѣку.

Александръ Платоновичъ родился 4 Декабря 1844 года въ дворянской средѣ, въ семьѣ потомка лейбъ-кампанца Платона Александровича Барсукова и его жены Аполлинару Ивановны, рожденной Бартеневой.

*) Соборными старцами Патриаршей Палаты почитались только слѣдующія лица: Ив. Фед. Горбуновъ [всегда во главѣ трапезнаго стола], Тамбовскій дворянинъ Серг. Евг. Маринъ, Можайскій предводитель Алексѣй Конст. Варженевскій, Ник. Плат. Барсуковъ (кладбищенскій протоіерей) и Александръ Плат. Барсуковъ (отецъ-экономъ).

въ селѣ Ивановкѣ, въ благословенныхъ краяхъ Тамбовскихъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома и затѣмъ въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ Орденскій драгунскій полкъ, стоявшій въ царствѣ Польскомъ, но вскорѣ по семейнымъ причинамъ принужденъ былъ покинуть военную службу. Отецъ его, овдовѣвъ, женился вторично и дѣтямъ первой жены пришлось пробивать себѣ дорогу почти самостоятельно. Александръ Платоновичъ переселился тогда въ Петербургъ, гдѣ онъ нашелъ поддержку брата Николая, уже погруженнаго въ разработку отечественной исторіографіи и съ тѣхъ поръ оба они не разставались и оставаясь на вѣкъ холостяками, вмѣстѣ прожили всю жизнь. Братъ Иванъ Платоновичъ, женатый на Ртищевой, жилъ своей семьей и наконецъ четвертый братъ, единственно не имѣвшій прикосновенія къ литературѣ, Михаилъ Платоновичъ служилъ въ таможенномъ вѣдомствѣ.

Еще въ концѣ 1860-хъ годовъ Александръ Платоновичъ писалъ иногда статьи изъ Варшавы въ газету Погодина „Русскій“, но первая его работа историческая была въ „Зарѣ“ Кашпирева 1871 года подъ названіемъ „Шкловскіе авантюристы.“ Затѣмъ тамъ же онъ помѣстилъ другую работу подъ заглавіемъ „Узникъ Спасо-Евѣиміева монастыря.“ Далѣе въ Русскомъ Архивѣ 1873 года появился довольно большой трудъ о князѣ Григ. Григ. Орловѣ, а затѣмъ въ „Древней и Новой Россіи“ 1875 года „Юсафъ Батуринь“ и тамъ же въ 1878 году „Батюшковъ и Опочининъ.“

Все это были живонаписанные по архивнымъ документамъ и другимъ источникамъ очерки изъ временъ царствованія Елисаветы Петровны и Екатерины II, собранные имъ затѣмъ въ 1885 году въ отдѣльную книгу, подъ заглавіемъ „Разказы изъ Русской исторіи XVIII вѣка,“ расположенные въ хронологическомъ порядкѣ. Книга эта давно стала библиографической рѣдкостію, а потому не лишнее будетъ возобновить въ памяти ея содержаніе.

Благодаря этой книгѣ А. П. Барсукова, передъ нами встаетъ вереница людей тѣхъ временъ, когда гвардія, состоя изъ помѣстнаго дворянства, играла столь выдающуюся роль. Все въ ней очерчено образно и умѣло.

Юсафъ Батуринь, воспитанникъ Шляхетскаго корпуса, затѣмъ подпоручикъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, человекъ рѣшительнаго нрава, задумавшій въ царствованіе Елисаветы Петровны въ 1749 году

воспользоваться бывшей въ тотъ годъ въ Москвѣ неурядицей для государственнаго переворота, для чего онъ избралъ время, когда молодой дворъ жилъ въ подмосковномъ селѣ Раевѣ, гдѣ были охоты, и затѣялъ подговорить къ бунту Преображенскій батальонъ, лейбъ-кампанцевъ и всѣхъ фабричныхъ въ пользу великаго князя Петра Ѳедоровича, который „держалъ бы армию въ лучшемъ порядкѣ.“ Заговоръ не удался и Батуричь былъ заключенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ пробылъ 20 лѣтъ, а затѣмъ послѣ письма Екатеринѣ и несуществующему уже Петру III въ 1769 году, былъ сосланъ на Камчатку, гдѣ не угомонился и черезъ два года принялъ участіе въ бунтѣ Бениовскаго и отважномъ плаваніи его шайки по Тихому океану, будучи въ томъ же году убитъ въ одной стычкѣ съ Китайцами на островѣ Формозѣ...

Черезъ 28 лѣтъ послѣ неудачной попытки этой отставной бригадиръ, баронъ Ѳед. Фридр. Ашъ, сынъ Петербургскаго почтъ-директора, явился дѣйствующимъ лицомъ въ другой исторіи, весьма страннаго свойства. Участникъ семилѣтней войны, онъ подалъ въ 1777 году, когда ему было 49 лѣтъ, оберъ-камергеру Ив. Ив. Шувалову писанное имъ лично и подписанное его покойнымъ 85-тилѣтнимъ отцомъ письмо, въ которомъ Шуваловъ именовался Императорскимъ Высочествомъ и выражена была надежда, что Иванъ Ивановичъ вступить скоро на Всероссійскій престолъ, какъ подлинный привѣцъ и сынъ Императрицы Анны Іоанновны и Бирона... Письмо привело царедворца въ великое смущеніе и онъ съ мѣста поѣхалъ во дворець, а Ашъ былъ арестованъ и посаженъ въ Динамюнде, гдѣ въ крѣпости онъ просидѣлъ 19 лѣтъ. Уже при Императорѣ Павлѣ онъ былъ переведенъ въ Суздальскій Спасо-Евѣиміевъ монастырь, гдѣ въ 1808 году его нашелъ Владимирскій губернаторъ и поэтъ, князь Ив. Мих. Долгоруковъ, который, почувствовалъ къ нему жалость, добился разрѣшенія на переводъ его къ себѣ въ домъ, такъ какъ этому узнику нуженъ былъ теперь только „покойный уголь и чашка кофію.“ Въ губернаторскомъ домѣ Ашъ вскорѣ и скончался.

Болѣ замѣчательной и совершенно исключительной фигурой былъ блистательный князь Григ. Григ. Орловъ, вознесенный послѣ переворота изъ среды средняго, но стариннаго, новгородскаго дворянства на головокружительную высоту. По выраженію Державина, онъ былъ „орелъ изъ стаи той высокой.“ а по словамъ А. П. Барсукова, чловѣкъ „скакивавшій славную дружину патриотовъ, вызвавшихъ событіе 28 Іюня 1762 года, бывшее „не прихотью какой-либо одной партіи, но требованіемъ всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашней русской

жизни, оскорбленныхъ неуваженіемъ къ отечеству, явнымъ презрѣніемъ къ господствующей церкви и къ обычаямъ старины.“ Сама Екатерина называла его „героемъ, подобнымъ древнимъ Римлянамъ временъ цвѣтущаго состоянія республики,“ даже „единственнымъ и истинно-великимъ человѣкомъ, такъ мало оцѣненнымъ современниками.“ Григорій Орловъ былъ исключительно храбръ,—онъ былъ трижды раненъ подъ Цорндорфомъ,—добръ, великодушенъ и, по выраженію лорда Каткарта, „исполненъ высокихъ чувствъ и обладающій замѣчательнымъ природнымъ умомъ, но безъ малѣйшей охоты высказывать его;“ любитель наукъ и великій охотникъ до различныхъ физическихъ опытовъ, до химіи, анатоміи, ботаники; производившій строительные опыты замѣны свай льдомъ и дѣлавшій разрывныя пробы надъ бомбой, наполненной водою и выставленной на морозъ; онъ прыгалъ черезъ стулья и диваны, рядился женщиной, устраивалъ серенады дѣвицамъ Смольнаго монастыря и при этомъ былъ почитателемъ Ломоносова, смотрѣлъ на него, по выраженію Шлецера, какъ на полубога; въ помощь геніальному уроженцу Холмогоръ, онъ усердно ходатайствовалъ передъ Императрицей объ учрежденіи Петербургскаго университета и скупилъ послѣ смерти Ломоносова всѣ бумаги у его вдовы. Покровитель начинающаго Фонъ-Визина и основатель Вольно-экономическаго общества, онъ первый поставилъ замѣчательный вопросъ: полезно ли даровать собственность крестьянамъ? Къ Наказу Екатерины относившій холодно, „цѣны не ставя ей работѣ,“ онъ оказался самъ депутатомъ и даже былъ избранъ въ маршалы, при чемъ, предсѣдательствуя, весьма поддерживалъ крестьянскія ходатайства. Спасая Москву отъ бѣдствій чумы, онъ лично вездѣ появлялся, окруженный хирургической помощью и гвардейскими офицерами, обходя больницы и при себѣ заставляя сжигать бѣлье. Сторонникъ рѣшительной политики нашей на Востокѣ и настойчивый проводникъ идеи независимой Греціи, онъ былъ нашимъ полномочнымъ посломъ на конгрессѣ въ Фокшанахъ, откуда вдругъ ускакалъ, узнавъ о козняхъ, строившихся противъ него въ Петербургѣ, но къ Императрицѣ, допущенъ не былъ, а направленъ въ свою Гатчину. Пребываніе его здѣсь и при этомъ продолженіе особыхъ сложныхъ отношеній къ императрицѣ, все описано живо и интересно. Уже послѣ уединенія въ деревнѣ онъ преподнесъ императрицѣ тотъ знаменитый огромный величаны алмазъ, что и по-нынѣ украшаетъ Россійскій Императорскій скипетръ, а до того подарилъ государству зданіе арсенала, гдѣ теперь Петербургскій судъ. Сторонникъ союза съ Англіей онъ въ 1778 году говорилъ лорду Мальбюри: „придетъ время, когда такой шагъ можетъ быть нуженъ, даже неизбеженъ.“ Последнія строки очерка посвящены

пребыванію Орлова за границей, по случаю тяжкой болѣзни его жены, рожденной Зиновьевой, угасшей въ Лозанѣ. и тому нравственному удару, который произвело это событіе на осиротѣлаго мужа, потерявшаго способности здраваго ума, вернувшагося въ Россію и вскорѣ скончавшагося у братьевъ въ Москвѣ, въ ихъ Нескучномъ, сохранивъ при этомъ сознание до самыхъ послѣднихъ минутъ: онъ повторялъ за прибывшимъ въ нему митрополитомъ Платономъ слова молитвъ при принятіи св. Причастія. Въ дополненіе къ своему очерку А. П. Барсуковъ приложилъ живо и поэтично записанный имъ рассказъ одного гатчинскаго служиваго простолюдина о прежнемъ хозяинѣ Гатчины, относящійся къ началу царствованія Петра III-го и начинавшійся словами: „Былъ у насъ въ управленіи король изъ иноземельныхъ, не императоръ, а просто королекъ. ледащій такой.“

Вотъ нѣсколько болѣе подробный пересказъ живого очерка А. П. Барсукова о князѣ Григоріѣ Орловѣ, къ которому онъ явно чувствовалъ расположеніе.

Слѣдующій очеркъ разсматриваемой книги касается двухъ молодыхъ людей, отставнаго корнета Конной гвардіи Ильи Андр. Батюшкова и адъютанта подпоручичьяго ранга Ипол. Александр. Опочинина, обвинявшихся въ 1769 году въ умыслѣ „о лишеніи ея императорскаго величества престола.“ Опочининъ выдавалъ себя за сына Елизаветы Петровны и покойнаго Англійскаго короля, пріѣзжавшаго будто бы въ Россію въ числѣ посольства подъ видомъ кавалера, увѣренность въ чемъ поддерживалъ въ немъ Батюшковъ. Послѣдній былъ поэтому сосланъ въ далекую Мангазею, а Опочининъ только отданъ „подъ доброе смотрѣніе“ жившаго въ деревнѣ престарѣлаго отца его и мѣстнаго исправника.

Послѣдній очеркъ книги, а въ порядкѣ написанія первый, имѣетъ героемъ Серба родомъ, генераль-адъютанта Сем. Гавр. Зорича. извѣстнаго любимца Екатерины, удаленнаго послѣ своего одиннадцатимѣсячнаго случая, съ немалымъ награжденіемъ въ Шкловъ, гдѣ въ старинномъ замкѣ на берегу Днѣпра вокругъ него образовался маленькій дворъ. Острякъ, мотъ, весельчакъ и добрая душа, Зоричъ во времена своего фавора дѣлалъ кругомъ много добра, но не устоялъ „на сколькихъ паркетахъ придворныхъ“. Въ Шкловѣ онъ повелъ широкую, открытую, пышную жизнь и даже принималъ однажды Екатерину во время ея путешествія по Бѣлоруссіи. У него были тамъ и просвѣтительныя затѣи и въ своемъ замкѣ онъ учредилъ школу для 60 дворян-

скихъ дѣтей, которую вручилъ особому директору, французу Саломрану, ранѣе находившемуся въ теченіи трехъ лѣтъ „подъ присмотромъ Вольтера,“ въ помощь которому были даны 10 учителей. Но такъ какъ для своей роскошной и веселой жизни ему необходимо было невѣроятное количество средствъ, то онъ постепенно дошелъ до того, что сталъ тратить фальшивыя деньги, привозимыя изъ-за границы его родственникомъ, графомъ Зановичемъ, имѣвшимъ, по выраженію поманутаго Салморана „гибкій уловительный разумъ.“ Обманъ былъ открытъ Потемкинымъ, и Зановичъ, а также и его братъ, были въ 1783 году арестованы и заключены въ Нейшлотскій замокъ.

Быть можетъ, приведенное содержаніе очерковъ этихъ передано слишкомъ подробно для статьи, имѣющей цѣлью помянуть личность писавшаго, но у такихъ людей, какъ оба брата Барсуковы вся жизнь выражалась исключительно въ трудѣ, а поэтому такой пересказъ есть едва ли не лучшая поминка.

Князь Пав. Петр. Вяземскій весьма оцѣнилъ очерки А. П. Барсукова и выдвинулъ автора ихъ, какъ историка для задуманной въ концѣ 1870-хъ годовъ труда рода Шереметевыхъ. „Родъ Шереметевыхъ“ и сдѣлался главнымъ историческимъ трудомъ Александра Платоновича, въ который онъ цѣлый рядъ лѣтъ вкладывалъ много силъ и чувства, полюбивъ отъ души до-Петровскую Русь. съ которой до того имѣлъ мало соприкосновенія.

Первый томъ „Рода Шереметевыхъ“ вышелъ въ 1881 году. Здѣсь предметъ былъ совершенно иной. Вѣяло древностью. Въ первой же главѣ книги пришлось столкнуться съ вопросомъ, чрезвычайно туманнымъ, загадочнымъ и труднымъ, а именно о выѣздѣ въ Новгородъ родоначальника Шереметевыхъ Гланды Камбило „изъ Пруссъ“ въ 1283 году. Вопросъ этотъ затронуть былъ А. П. Барсуковымъ только слегка. Для разрѣшенія его требовалась большая подготовка, знакомство съ многими иностранными источниками, что оказалось слишкомъ сложнымъ. Съ великой робостію предсталъ Александръ Платоновичъ, по его собственному разсказу, съ первымъ томомъ предъ княземъ П. П. Вяземскимъ, погруженнымъ тогда, въ связи съ изслѣдованіемъ своимъ о Словѣ о полку Игоревѣ, въ вопросъ о началѣ Руси и весьма интересовавшійся и соприкасавшимся съ нимъ вопросомъ о выѣздахъ. Князь забросалъ А. П. Барсукова вопросами о Пруссакъ, о Балтійской Помераніи, о Янтарномъ берегу, указывая при этомъ на полную неосвѣдомленность или предвзятость ученыхъ касательно даннаго вопроса, а Александръ Плато-

новичъ принужденъ былъ признаться, что положительно не былъ въ силахъ справиться съ задачей, которую почти обошелъ.

Въ послѣдующихъ главахъ перваго тома разсказывается, уже на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, объ сынѣ Гланды, Андреѣ Ив. Кобылѣ, и далѣе о первыхъ Шереметевыхъ при великихъ князьяхъ и царяхъ Московскихъ, при чемъ исторія ихъ доводится до конца царствованія Ивана Васильевича, т. е. до 1584 года. Время Грознаго описано было весьма удачно и дѣти Василя Андр. Шереметева Бѣса очерчены сильно и образно. Крупнѣйшей фигурой перваго тома А. П. Барсуковъ выставилъ боярина Ивана Вас. Большого Шереметева, впервые появившагося ратнымъ воеводой въ 1540 году. Передалъ рядъ его походовъ подъ Казань, гдѣ онъ былъ дважды раненъ, послѣдній разъ въ Судбищенскомъ бою, затѣмъ его бои въ Ливоніи, гдѣ подъ Полоцкомъ онъ былъ раненъ въ третій разъ, затѣмъ годъ его опалы и даже тюрьмы, потомъ, послѣ призыва вновь, веденіе переговоровъ съ польскимъ гонцомъ и вѣданіе Москвы, наконецъ побригъ его въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Двадцать лѣтъ походовъ доставили громкую славу тому, кого знали восточныя лѣтописи, а Курбскій называлъ „зѣло мудрымъ“ и „со младости своея въ богатырскихъ вѣщахъ искуснымъ.“ Человѣкъ въ частномъ быту дѣловой складки, Иванъ Васильевичъ Большой мудро увеличилъ свое состояніе. Побригшись въ Кирилло-Бѣлозерской обители, онъ жилъ тамъ бояриномъ, угощая братію: „а иніи глаголють будто де и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили,“ писалъ Грозный игумену, явля за то, что братія забыла уставъ Кирилловъ и завела новый, въ угоду боярину, къ которому собственно и относилось извѣстное царское посланіе и съ которымъ Грозный видимо считался, погубить не рѣшаясь. Иванъ Вас. Большой скончался въ 1577 году и около того же времени въ томъ же первомъ томѣ появляется юный Ѳедоръ Ив. Шереметевъ, племянникъ предыдущаго, сынъ боярина Ивана Вас. Меньшого и братъ царицы Леониды, вдовы убитаго Грознымъ царевича Ивана Ивановича, на попеченіи которой онъ росъ.

Второй томъ вышелъ въ 1882 году, и въ немъ описано время съ 1584 по 1622. Здѣсь уже на первомъ мѣстѣ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, какъ бояринъ Смутнаго времени, воевода и членъ семибоярщины, проводникъ избранія въ цари Михаила Ѳед. Романова и посоль къ нему въ Кострому; искусный дипломатъ при Деулинѣ и при Поляновкѣ; стоявшій затѣмъ во главѣ ряда приказовъ: большой казны, стрѣлецкаго, иноземскаго, рейтарскаго, аптекарскаго и новой

четверти, дружившій съ „любительными друзьями“ иностранцами, въ частной жизни также человѣкъ дѣлового имушественнаго уклада.

Третій томъ, вышедшій въ 1883 году, обнимаетъ 1622—1652 годы. Давая отчетъ о первыхъ трехъ книгахъ „Рода Шереметевыхъ.“ проф. С. О. Платоновъ свидѣтельствовалъ, что уже первый томъ возбудилъ „общее вниманіе какъ прекрасной внѣшностью изданія, такъ и своимъ содержаніемъ,“ что, несмотря на то, что иной разъ автору, согласно принятому имъ плану, приходилось говорить объ событіяхъ, имѣющихъ косвенное отношеніе къ данному роду, все же „его блестящіе очерки событій общей нашей исторіи, напр. разсказъ о взятіи Казани и о болѣзни Іоанна въ 1553 году, не кажутся чѣмъ-то извнѣ приводящимъ въ его трудъ, а въ высшей степени оживляютъ изложеніе и придаютъ ему иногда захватывающій интересъ,“ что несмотря на нѣкоторые подробно отмѣчаемые недостатки и промахи, трудъ этотъ „составленъ очень добросовѣстно,“ „заслуживаетъ всякаго уваженія и сочувствія“ и есть „цѣнное приобрѣтеніе исторической литературы.“

Въ четвертомъ томѣ, вышедшемъ въ 1884 году, описывающемъ 1652—1658 годы, появляется Василій Борисовичъ Шереметевъ. Здѣсь между прочимъ использованы были неизвѣстныя до того письма царя Алексѣя Михайловича къ семейству, хранившіяся въ Приказѣ Тайныхъ дѣлъ и только впоследствии изданныя, затѣмъ появились извлечения изъ Вѣнскаго государственнаго архива и т. д. Вообще источники рода Шереметевыхъ, напр. для исторіи Малороссіи представлялись болѣе полно, были полнѣе даже чѣмъ у Соловьева и Костомарова, что отмѣтилъ въ одной рецензій К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Въ дѣлѣ сообщенія иностранныхъ извѣстій изъ архивовъ разныхъ странъ А. П. Барсукову дѣятельно помогалъ К. О. Фетерлейнъ, хранитель отдѣленія Rossica Императорской Публичной библіотеки, и это продолжалось и для слѣдующихъ томовъ.

По поводу выхода въ 1888 году пятой книги, касающейся 1658—1660 годовъ, весьма сочувственный отзывъ далъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. А. П. Барсуковъ, „первыми своими выпусками, говоритъ онъ, уже стяжавшій вполне заслуженную извѣстность“... Далѣе: „Удачный выборъ предмета... изслѣдовательность, изложеніе ясное, живое, значительное умѣнье сохранить историческую перспективу— вотъ выдающіяся черты сочиненія А. П. Барсукова, объясняющія возбужденный имъ интересъ и опредѣляющія его прочное мѣсто въ русской исторіографіи“... И затѣмъ: „Конечно, ни одинъ будущій из-

слѣдователь не можетъ уже обойтись безъ изученія этого замѣчательнаго труда.“ Въ заключеніе покойный историкъ высказывалъ пожеланіе А. П. Барсукову также неуклонно и подробно вести „свой важный для русскаго самосознанія трудъ,“ привѣтствуя и самую внѣшность изданія какъ труда, представляющаго „книгу монументальную, а не очеркъ мимолетный,“ ибо „такъ издаются подобныя книги и въ Западной Европѣ“ и вспоминая стихъ Пушкина, который „конечно, этому порадовался бы.“

Шестой томъ, вышедшій въ 1892 году, касается; главнымъ образомъ, двухъ лицъ, боярина Василя Борисовича, взятаго въ плѣнъ кримцами, и боярина Петра Вас. Большого Шереметева воеводы въ Кіевѣ, въ годы борьбы царя Алексѣя Михайловича съ Польшей изъ за Малороссіи, распавшейся на двѣ части. Здѣсь описаны восемь лѣтъ: 1660—1668. По поводу этого тома отзывъ сдѣлалъ Д. А. Корсаковъ, который отмѣтилъ, что содержаніе его „выдѣляется особо рѣзко своими достоинствами среди трудовъ по русской исторіи послѣднихъ лѣтъ“, излюбленная тема коихъ построеніе общихъ началъ, между тѣмъ какъ фактическая разработка русской исторіи далеко не кончена, а въ частности XVII-й вѣкъ есть „непечатое поле для историка“. Исторія плѣна Василя Борисовича вслѣдствіе измѣны Юрія Хмельницкаго и заключеніе его въ Крыму въ крѣпость Чуфуть-Кале, затѣмъ переговоры о выкупѣ—Татары требовали взаменъ множество денегъ, Казань и Астрахань—все передано живо и весьма подробно. Первые четыре года, пребываніе въ кандалахъ болѣе полупуда вѣсомъ, тѣснота келіи, болѣзни глазъ, ногъ и головы, цынга... Иногда при этомъ порученіе ему дѣлалъ Московскаго государства, которыя приходилось вести скованному, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая то нерѣшительность Тишайшаго царя въ дѣлѣ выкупа и интриги приближенныхъ.

Въ седьмомъ томѣ, вышедшемъ въ 1899 году, главные герои тѣ же два боярина, и продолжается описаніе смуты въ Малороссіи, при чемъ изложено всего четыре года: 1668—1672. П. И. Бартеневъ по поводу этой книги писалъ: „можно безъ преувеличенія сказать, что для исторіи царствованія втораго Романова А. П. Барсуковымъ въ этомъ сочиненіи сдѣлано очень много“.

Въ восьмомъ томѣ, вышедшемъ въ 1901 году, описывается возвращеніе выкупленнаго наконецъ Василя Борисовича изъ плѣна, при чемъ передано и слѣдующее драгоцѣнное свидѣтельство о немъ стольника Ив. Гер. Соловцова о встрѣчѣ съ нимъ близъ Ахтырки черезъ

нѣсколько дней послѣ выкупа: „И сидитъ на конѣ бояринъ Василій Борисовичъ мочно и бодро, а въ коляску и на иноходца не садится, а ѣдетъ въ епанечкѣ въ Черкасской въ короткой и въ саблѣ. А ѣхали въ сутки верстѣ по сороку и больше“. Замѣчательно, что Василій Борисовичъ не могъ въѣхать въ Москву. „Милосердствуя о полномъ терпѣннѣ“, царскій указъ приказывалъ ему ѣхать, тогда же зимою, въ свою коломенскую вотчину Чиркино, гдѣ ждатель особаго указа. Только передъ Рождествомъ ему разрѣшено было прибыть въ Москву, гдѣ въ самый день праздника онъ представлялся царю Ѳедору. Въ слѣдующемъ же году Василій Борисовичъ скончался въ старомъ отцовскомъ домѣ на Срѣтенской улицѣ 24 Апрѣля 1682 года.

Помимо главныхъ лицъ рода А. П. Барсуковымъ изображены и всѣ остальные, а также весьма много сообщено данныхъ о другихъ родахъ, роднившихся, или входившихъ въ соприкосновеніе съ Шереметевыми, какъ напримѣръ: князья Волконскіе-Веригины, Голицыны, Долгоруковы, Звенигородскіе, Куракины, Оболенскіе Черные, Одоевскіе, Пожарскіе, Черкасскіе, Троекуровы, Урусовы; Романовы—Юрьевы, Вылузгины, Нагіе, Полевы, Салтыковы, Собакины, Чириковы и другіе.

Разбирая вообще восемь книгъ „Рода Шереметевыхъ“ нужно признать теперь, что первые два тома менѣ полны, но слѣдуетъ принять во вниманіе, что множество матеріала по болѣе древней эпохѣ нашлось, или было опубликовано, уже послѣ выхода ихъ въ свѣтъ, но чѣмъ дальше подвигался А. П. Барсуковъ впередъ, тѣмъ обильнѣе становился матеріалъ и тѣмъ болѣе справлялся онъ со своей работой. Всѣ тома, начиная съ четвертаго, обнимаютъ всего по нѣсколько лѣтъ; шесть, два, восемь, четыре, десять. Это все почти одно царствованіе Алексѣя Михайловича и эта часть лучше всего ему удалась. Прекрасно переданъ духъ времени, XVII вѣкъ Русской исторіи, старая Москва и Московское государство, весь прежній цѣльный укладъ жизни.

Въ такомъ трудѣ какъ „Родъ Шереметевыхъ“ пропуски и даже ошибки неизбѣжны. Всѣ работающіе по источникамъ знаютъ, какого труда стоитъ иногда добыть тотъ или иной единичный фактъ, дату, одно какое-нибудь имя. Сколько приходится иной разъ читать сырыхъ архивныхъ, трудноразбираемыхъ и портящихъ зрѣніе документовъ, чтобы въ итогѣ получить лишь ту или иную небольшую черту или подроб-

ность, иногда крупницу, но важную для того или другого мѣста въ связаномъ и систематическомъ разсказѣ. Чего это стоитъ!

Александръ Платоновичъ избралъ весьма оригинальный, но трудный планъ работы. Онъ слѣдилъ сразу за дѣятельностью всѣхъ наличныхъ въ описываемое время представителей рода, за что иногда и упрекали его, но намъ сдается, что этимъ достигалась большая живость изложенія и эпоха рисовалась цѣльнѣе, кромѣ того весьма важно, интересно и поучительно слѣдить на протяженіи длиннаго ряда лѣтъ, какъ отражается Русская исторія на одной какой либо семьѣ. При этомъ нисколько не отвергается необходимость другого справочнаго біографическаго изданія и при томъ такого, гдѣ можно было бы найти всѣ нужныя данныя для каждаго уже члена рода. Частью, такая работа подготовлена самимъ же А. П. Барсуковымъ, составившимъ и напечатавшимъ родословіе Шереметевыхъ въ приложеніи къ седьмому тому и изданному дважды отдѣльно, а также въ тѣхъ неопубликованныхъ его записныхъ тетрадяхъ, какія у него были заведены для каждаго представителя рода и были своего рода послужными ихъ списками, наполненными выписками изъ разнообразныхъ источниковъ. Въ восьми томахъ „Рода Шереметевыхъ“ обнародовано кромѣ того столько новыхъ свѣдѣній, касательно войны, быта, хозяйственныхъ отношеній, дипломатіи, грамотъ, писемъ, рядныхъ, купчихъ, мѣновыхъ, мѣстническихъ споровъ и многого другого, что ужъ за одно это, во всякомъ случаѣ, трудъ А. П. Барсукова долженъ почитаться весьма цѣннымъ вкладомъ въ Русскую историческую науку, въ общемъ оцѣненнымъ критикой, ибо при враждебномъ иной разъ отношеніи ихъ къ труду А. П. Барсукова не разъ давали сочувственные отзывы о выходившихъ томахъ многіе русскіе историки, а именно вышеупомянутые: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Д. А. Корсаковъ, С. О. Платоновъ, также В. С. Иконниковъ, А. Н. Пыпинъ и др. Старшій братъ, Николай Платоновичъ, безъ сомнѣнія, значительно содѣйствовалъ успѣху брата Александра, указывая ему порой съ обычнымъ его мастерствомъ на то или другое обстоятельство, давая совѣты, направляя, высказывая иногда мѣткій оборотъ, роняя иногда одно слово, будучи, какъ уже было выше отмѣчено, столь великимъ знатокомъ русскихъ историческихъ источниковъ, и при томъ перваго разряда. Самъ онъ работу брата Александра ставилъ весьма высоко, какъ даровито написанную на основаніи источниковъ и при томъ прекраснымъ Русскимъ языкомъ и всегда говорилъ, что ее „еще не раскусили“. За то какимъ негодованіемъ загорался онъ, когда появлялась какая нибудь пасквильная статья, какихъ, къ сожалѣнію, было не мало, ибо въ

теченіи ряда лѣтъ къ труду А. П. Барсукова, также какъ и къ „Погодину“, многіе относились весьма несочувственно. При этомъ задѣвали ихъ не только враждебно настроенные органы печати, но иногда и лица, почитавшіеся друзьями. Такъ напримѣръ нынѣшній директоръ Императорской Публичной Библіотеки, Д. Θ. Кобеко почему то съ особеннымъ усердіемъ стремился всегда набросить тѣнь на ученыхъ качества разсматриваемаго труда. печатая рядъ иногда весьма интересныхъ родословныхъ разысканій, но долженствовавшихъ указать на тѣ или иныя неточности и пропуски, допущенные А. П. Барсуковымъ. Критики находили даже, что размѣръ изданія былъ „циклопического объема“, что выходили не томы, а „пуды“—и т. п. Не буду упоминать о такихъ, которые находили, что указанный трудъ написанъ не безпристрастно. Зная независимый образъ мыслей покойнаго Александра Платоновича приходится оставлять подобныя нападки вовсе безъ вниманія.

Впрочемъ были у А. П. Барсукова и свои поклонники. Вспоминаю, какъ восторгался его книгами нашъ преподаватель исторіи въ гимназіи Л. И. Поливанова покойный Влад. Александр. Фуксъ, какъ дивился мастерскому его изложенію ратнаго дѣла и приходилъ иногда въ классъ съ томомъ „Рода Шереметевыхъ“, откуда прочитывалъ вслухъ классу цѣлыя страницы, при томъ или другомъ объясненіи урока. Приходилось слышать и упоминаніе о трудѣ Александра Платоновича на лекціяхъ проф. Вас. Ив. Сергѣевича.

Со времени появленія послѣдняго осьмого тома прошло десять лѣтъ, но болѣе томовъ выпущено Александромъ Платоновичемъ не было. Въ этомъ былъ свой смыслъ. Восьмой книгой закончилъ онъ исторію до-Петровскихъ Шереметевыхъ и положилъ перо, можетъ быть, чувствуя себя уже не въ силахъ предпринимать описаніе новаго періода нашей исторіи оставившаго къ тому же столь великое количество матеріаловъ, хотя бы по исторіи одной Великой Сѣверной войны, овладѣть которыми представлялось ему уже и непосильнымъ. Самыя послѣднія слова осьмого тома, слѣдующія послѣ описанія погребенія Василья Борисовича въ селѣ Чиркинѣ, указываютъ на такое именно отношеніе его къ своему труду.

„Два дня спустя, 27 Апрѣля 1682 года, въ четыре часа пополудни, три мощныхъ удара большого колокола съ Ивана Великаго возвѣстили Москвѣ о кончинѣ царя Федора Алексѣевича.

„Со смертю царя Θεодора Алексѣевича окончился въ нашей исторіи періодъ Московскій, когда, по замѣчанію Строева, „царство Московское и всея Руси было въ полнымъ развитіи своихъ стихій...“ Коренныя преобразованія Петра Великаго дали жизни государственной и быту иное направленіе“.

Во всякомъ случаѣ, весьма жаль, что трудъ А. П. Барсукова болѣе не продолжался. На вопросъ о причинахъ сего Александръ Платоновичъ, всегда отвѣчалъ, что закончилъ старыхъ Шереметевыхъ, что дальнѣйшее пусть продолжаютъ болѣе молодыя силы, что онъ усталъ поработать довольно.

Нѣсколько словъ теперь о прочихъ трудахъ его. Онъ напечаталъ не малое количество и болѣе мелкихъ работъ, изданныхъ имъ отдѣльно, или помѣщенныхъ въ различныхъ повременныхъ историческихъ изданіяхъ и сборникахъ. Такъ въ 1886 году вышло его „Россійское благородное собраніе въ Москвѣ“, очеркъ по архивнымъ документамъ, съ приложеніемъ интересныхъ правилъ собранія дворянства 1803 года, имѣвшихъ частный, клубный, характеръ и подписанныхъ на первомъ мѣстѣ графомъ А. Г. Орловымъ-Чесменскимъ.

Въ слѣдующемъ 1887 году вышла „Обзоръ источниковъ и литературы Русскаго родословія“, читанный имъ передъ тѣмъ въ засѣданіи Историко-Филологическаго отдѣленія Академіи наукъ, представляющей изъ себя работу, написанную по поводу книги Н. П. Петрова „Исторія родовъ русскаго дворянства“ и заключающей интересный и обстоятельный перечень и оцѣнку всѣхъ прежнихъ дѣятелей, разработавшихъ вопросы русскаго родословія въ томъ числѣ: Миллера, Спиридова, Митрополита Евгенія, Ювеналія Воейкова, Левшина, князя П. В. Долгорукова, Лакіера и многихъ другихъ, вплоть до князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго и В. В. Руммеля и Голубцова.

Любопытна также вышедшая въ 1894 году книжка „Свѣдѣнія о Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ“, представляющая историческій очеркъ нынѣшней Юхоти, пожалованный Петромъ Великимъ Борису Петр. Шереметеву, послѣ усмиренія имъ стрѣлецкаго возмущенія въ Астрахани.

Въ томъ же году вышли подъ наблюденіемъ его какъ члена Археографической комиссіи „Русскіе акты Ревельскаго городского архива“, заключающіе 138 документовъ разнообразнаго содержанія по

дѣламъ государственнымъ и торговымъ, отписки воеводъ и т. д., имѣвшіе отношеніе къ ежегоднымъ его и брата его посѣщеніямъ Ревели во время лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Наконецъ въ 1902 году тою же Археографической комиссіей былъ изданъ другій его трудъ „Списки городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управления Московскаго Государства XVII столѣтія“, представляющій результатъ его многолѣтней привычки выписывать всегда воеводскія имена, при чтеніи различныхъ актовъ, благодаря чему постепенно образовался цѣлый объемистый томъ, разумѣется не безъ пропусковъ, какъ составленный исключительно по печатнымъ матеріаламъ, рукописный же для данной цѣли представлялся, по его собственному признанію, океаномъ, который не переплыть одинокому пловцу“. Несмотря на такое ограниченіе, данный трудъ весьма важенъ, ибо значительно облегчаетъ дальнѣйшія восполненія пробѣловъ.

Александръ Платоновичъ принималъ участіе и въ дѣлахъ Общества Любителей Древней письменности и не разъ дѣлалъ на засѣданіяхъ его сообщенія. Таковы, напримѣръ, краткій историческій очеркъ села Введенскаго-Першина; затѣмъ о рукописи XVII вѣка съ данными о жизни царя Алексѣя Михайловича: также образчикъ дѣлопроизводства крестьянской сѣзжей избы 1696 года села Молодой Тудъ, Бориса Петр. Шереметева (Памятники. 1885, с. 11—12).

Далѣе: „О древностяхъ Троицкой Островозерской пустыни въ селѣ Ворсмѣ“, принадлежавшемъ въ концѣ XVI вѣка князю Ив. Бор. Черкасскому; о рукописномъ сборникѣ XVII вѣка, пріобрѣтенномъ графомъ С. Д. Шереметевымъ, съ 11 статьями, въ томъ числѣ о явленіи иконы Пресвятой Богородицы въ Казани 1579 года, о житіи Гурія Казанскаго архіепископа и др. (Памятн. 1887, с. 4—5, 10).

Кромѣ того онъ представилъ данныя о жизни пятого всероссійскаго патріарха Іосифа „изъ природныхъ Россійскихъ дворянъ по Тамбовскому уѣзду“ роду Дьяковыхъ (Отчеты о засѣд. 1888—91, стр. 20).

Въ другомъ засѣданіи 21 Декабря 1890 года А. П. Барсуковъ сдѣлалъ подробное сообщеніе о патріархѣ Іоакимѣ Савеловѣ и это дало ему случай привести имена весьма многихъ архипастырей изъ дворянъ, среди которыхъ встрѣчаются роды: Плещеевыхъ, Еропкиныхъ, князей Стригиныхъ, Оболенскихъ, Римскихъ-Корсаковыхъ, Кормилицыныхъ, Кожиныхъ, князей Четвертинскихъ, князей Дашковыхъ, Скрипицыныхъ, князей Полоцкихъ, Колычевыхъ, князей Вадбольскихъ,

Стремоуховыхъ, Глѣбовыхъ, Дьяковыхъ, Титовыхъ и др. При этомъ были сообщены и документы, принесенные въ даръ обществу Мих. Павл. Савеловымъ. (Прилож. VI къ отчетамъ).

Наконецъ 15 Февраля 1891 года онъ сдѣлалъ сообщеніе „Гербъ Августа Шлецера, въ которомъ ранѣе былъ нарисованъ Несторъ, но позднѣе замененъ львомъ“. Два послѣднихъ доклада были изданы отдѣльно.

Помимо указанныхъ отдѣльно выходявшихъ трудовъ А. П. Барсуковъ принималъ нѣкоторое участіе и въ текущихъ историческихъ изданіяхъ. Не упоминая вновь о первоначальныхъ очеркахъ его, изданныхъ отдѣльно, укажемъ сообщенія его въ „Русскомъ Архивѣ“ (1888). „О семействѣ пастора Глюка“, двухсотлѣтній юбилей коего только что праздновался и въ томъ же журналѣ прошеніе деньщика арапа Гаврибала о дворянствѣ и такое же другого деньщика Петра Великаго Древнина.

Тамъ же (1889, II, 5): челобитная боярина Василя Петр. Шереметева по поводу взятія его сына Матвѣя въ полонъ и письмо Дорошенки Кіевскому воеводѣ и боярину Петру Вас. Большому Шереметеву. (1902, III, 9):

Далѣе въ „Кіевской старинѣ“ (т. V и XVII, янв.): „Допросъ Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы“ и „Записка о службѣ Г. Н. Теплова“, ученика академіи, затѣмъ учившагося въ Тюбингенѣ и Парижѣ, съ 1751 года состоявшаго при гетманѣ, автора, записки „О непорядкахъ въ Малороссіи“, въ исторіи послѣднихъ дней которой онъ игралъ важную роль; наконецъ съ 1762 года, находившагося при дѣлахъ Екатерины, „отъ ея собственныхъ повелѣній зависящихъ“.

Въ сборникахъ „Старина и Новизна“, (кн. 3): „Письма къ графу П. А. Румянцеву отъ его родителей“, числомъ 38 за годы 1745—1768, представляющія выдающійся интересъ и извлеченныя изъ сборника графа Д. А. Толстого. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ переписки есть замѣчательное упоминаніе объ участіи императрицы Елизаветы къ семейству Румянцевыхъ, о чемъ отецъ Задунайскаго такъ писалъ сыну: „Вы вѣдаете, какъ она по крови близко обязана свойствомъ“.

Въ томъ же изданіи (кн. 9) помѣщены имъ были „Автографы извѣстныхъ людей“ изъ архива С. Ю. Витте, состоящаго изъ объеми-

стаго сборника въ 177 документовъ XVIII и XIX столѣтій. Тутъ и дѣла Арт. Волынскаго, Калмыцкія, Астраханскія и Персидскія и бумаги Потемкинскія, и Долгоруковскія и Фадѣевскія и разныя. Напр. два письма принца де-Линь съ отвѣтами Суворова и неизданная сатира Милонова, гдѣ поэтъ Хвостовъ названъ Балдусомъ, а Вас. Льв. Пушкинъ Вздоркинымъ, а Шишковъ Злословомъ; письмо Викт. Пав. Кочубея „О Гишпанскихъ овцахъ“ и письмо какой-то калмыцкой княгини Тюменевой, словомъ весьма большое разнообразіе и не все равно интересно. Есть рядъ бумагъ и писемъ, касающихся Кавказа и довольно много изъ переписки Ростислава Фадѣева, въ томъ числѣ къ нему князя Дм. Ив. Святополкъ-Мирскаго, фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, Ив. Серг. Аксакова и др. Въ письмахъ послѣдняго есть одно любопытное мѣсто: „Ценсовое дворянство. по моему мнѣнію, отзывается сочиненіемъ, но такимъ же сочиненіемъ было и есть наше земское и сельское самоуправленіе. Будемъ прислушиваться къ голосу самой жизни“.

Дружественный къ князю Петр. Дм. Святополкъ-Мирскому, Александръ Платоновичъ не разъ гащивалъ у него въ Пензѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ въ бытность покойнаго князя Пензенскимъ губернаторомъ и здѣсь разбирался въ архивѣ Пензенскаго Губернскаго Правленія, дѣлясь иногда съ читателями рядомъ извлеченныхъ дѣлъ подъ названіемъ „Пензенская архивная старина“. (Русс. Арх. 1896, 1. апр.).

Здѣсь находимъ дѣло о дѣйствительномъ, съ отрочества, камергерѣ графѣ Кир. Ал. Разумовскомъ, сынѣ министра народнаго просвѣщенія, одаренномъ необыкновенными способностями и жившемъ въ Пензенскомъ селѣ Ершовѣ Чембарскаго уѣзда. Разумовскій этотъ ѣздилъ до того за границу, былъ въ сношеніи съ иллюминатами и пилъ запоемъ. Когда пріѣхали его арестовать, онъ вышелъ „съ кинжаломъ на кушакѣ.“ Въ подробной описи деревенскаго его дома упоминается и обстановка: оружейная комната, токарный станокъ, бібліотека французскихъ книгъ, состоявшая изъ новѣйшихъ словарей, книгъ по хозяйству, скотоводству, химіи, наукамъ врачевнымъ и историческимъ, „причемъ никакихъ сомнительныхъ между ними не найдено.“ Его однако арестовали и отвезли въ Шлиссельбургъ.

Затѣмъ рядъ дѣлъ о пожертвованіяхъ Пензенскаго дворянства въ войну 1812 года, о путешествіи въ 1817 году великаго князя Михаила Павловича по Пензенской губерніи, при чемъ упоминаются въ дѣлѣ „летучій исправникъ князь Кугушевъ“ и „станціонные дворяне.“

Далѣ о томъ, какъ провелъ въ дорогѣ день своего ангела императоръ Александръ I, за годъ до своей кончины, именно въ Пензенскомъ селѣ Каменкѣ и какъ узналъ, что озимый хлѣбъ ѣсть червь: „почему донесено было начальникомъ штаба государю императору, съ поднесеніемъ тѣхъ червей въ стаканъ. Его Величество смотрѣлъ и сказалъ: „надобно молиться Богу.“

О путешествіи по губерніи Императора Николая Павловича въ 1836 году при чемъ въ Чембарь были „безденежно посланы фрукты и нѣкоторая часть рыбы и дичи отъ помѣщиковъ.“

О путешествіи цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году съ предписаніемъ губернатору, чтобы нигдѣ официальныхъ встрѣчъ не было и чтобы обѣдовъ не давали, а о балахъ испрашивали согласіе самаго цесаревича и чтобы тамъ, гдѣ находятся по дорогѣ „достопамятныя заведенія или историческіе предметы любопытства, ближайшіе начальники показывали бы оныя.“

Наконецъ послѣдній документъ касался перевезенія тѣла Лермонтова изъ Пятигорска въ Тарханы „для погребенія на фамильномъ кладбищѣ“ съ Высочайшаго соизволенія, согласно просьбѣ бабушки поэта, Елисаветы Алекс. Арсеньевой, урожд. Столыпиной.

Кромѣ этихъ документовъ А. П. Барсуковымъ были сдѣланы еще и другія выдержки изъ того же архива губернскаго правленія, напр. рескриптъ Екатерины II генералъ-порутчику Саввѣ Ив. Маврину, пріятелю Державина, по поводу злоупотребленій въ Вятскомъ намѣстничествѣ, которому предписывался рядъ мѣръ, по выраженію рескрипта, „являя въ лицѣ вашемъ защитника утѣсненныхъ.“

Въ „Извѣстіяхъ Генеалогическаго общества,“ коего онъ былъ членомъ, не находимъ никакихъ сообщеній его, но въ числѣ вопросовъ имъ поставленъ былъ одинъ, но за то весьма интересный: Изъ какого боярскаго рода происходилъ преподобный Сергій? Къ сожалѣнію, вопросъ оставшійся и до сихъ поръ безъ отвѣта.

Александръ Платоновичъ принималъ также участіе въ дѣлѣ описанія рукописей князя П. П. Вяземскаго, описавъ весьма интересныя рукописи родословныя (Изд. Общ. Люб. Др. Письменности. СХІХ).

Онъ собиралъ матеріалы для жизнеописанія верховника князя Дм. Мих. Голицына, которыми воспользовался въ своей извѣстной

книгъ Д. А. Корсаковъ и подготовилъ къ печати часть переписки перваго тома „Михайловскаго архива“ съ интереснѣйшими бытовыми письмами Шереметевыхъ конца XVIII вѣка.

Наконецъ въ 1907 году, на другой годъ послѣ кончины брата Николая, онъ выпустилъ приготовленный послѣднимъ къ печати 21-й томъ „Жизни и трудовъ Погодина,“ а въ 1910 году издалъ еще 22-ю книгу того же сочиненія, заключающую въ себѣ шесть главъ, которыми особенно дорожилъ Николай Платоновичъ, какъ написанными почти исключительно на основаніи выдержекъ изъ воспоминаній владѣльца Тамбовскаго села Караулъ, Бор. Ник. Чичерина. Къ этой то послѣдней 22-й книгѣ былъ кромѣ того приложенъ ключъ ко всемъ томамъ составленный племянниками Александра Платоновича, въ который вошла и работа Вл. Вл. Майкова по составленію указателя къ семи первымъ томамъ.

Возможно, что нашъ перечень трудовъ А. П. Барсукова не полонъ и библиографическія данныя его собственнаго архива восполнять недостающіе пробѣлы, но уже изъ всего перечисленнаго безспорно слѣдуетъ, что онъ справедливо можетъ почитаться весьма и весьма немало, успѣшно и не безъ плана потрудившимся на пользу отечественной исторіи и просвѣщенія, за что мы ему обязаны сказать великое спасибо. Болѣе всего можетъ онъ почитаться историкомъ Россійскаго дворянства и его родословія, ибо съ этимъ сословіемъ связаны почти все его историческіе труды. Нужно ли упоминать, что взгляды покойнаго А. П. Барсукова на дворянство были весьма возвышенные: независимый имущественно слой въ служеніи на пользу общую.

Къ сожалѣнію семейныя обстоятельства, какъ уже упоминалось, не благопріятствовали именно имущественному благоустройству братьевъ Барсуковыхъ и они пробивали себѣ дорогу личнымъ трудомъ. Съ черноземными полями Тамбовскими они сохранили только связь духовную.

Первоначально служба Александра Платоновича была въ Синодѣ, но это продолжалось очень не долго. Вышли недоразумѣнія съ Ка. Пэ, какъ называлъ Николай Платоновичъ К. П. Побѣдоносцева, а затѣмъ онъ перешелъ въ Сенатъ, въ департаментъ Герольдіи, гдѣ оставался до самой своей кончины. Здѣсь не разъ посѣщала его князь П. П. Вяземскій, когда онъ назначенъ былъ сенаторомъ, и тутъ бывали по словамъ Александра Платоновича у нихъ преинтересныя и поучитель-

ныя для него бесѣды, посреди древнихъ хартій и геральдической пыли. О князѣ онъ всегда отзывался съ восхищеніемъ, изумляясь его обширнымъ познаніямъ, своеобразнымъ взглядамъ и особымъ свойствомъ ставить задачи. У него было множество темъ. И у князя П. П. Вяземскаго были добрыя отношенія къ А. П. Барсукову, котораго онъ просилъ быть своимъ душеприказчикомъ. Кромѣ того Александръ Платоновичъ былъ членомъ Археографической комиссіи и членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Кабинетъ его носилъ въ общей обстановкѣ квартиры особый отпечатокъ. Надъ письменнымъ столомъ висѣли семейные масляные портреты, а самый столъ былъ уставленъ различными письменными принадлежностями, вазами, иногда красивыми бездѣлками. Въ особыхъ футлярахъ съ ярлыками выписки. Библіотека большею частью въ красныхъ переплетахъ была особенная и цѣнная. Здѣсь акты, полковыя исторіи, родословные труды, исторія мѣсть, церквей, монастырей, городовъ и пр. Въ особомъ шкафу старинная посуда, „страстишка къ фарфору.“ Посѣщеніе антикваріевъ было ему не совсѣмъ по средствамъ, но все же онъ любилъ ходить по Сухаревкѣ, по старому Панкратьевскому переулку, гдѣ у него былъ особенный другъ глухой букинистъ. На стѣнахъ портреты Шереметевыхъ, многіе рѣдкіе, тамъ же два красивыхъ вида масляными красками начала XIX столѣтія. Саввинъ-Сторожевскій монастырь и видъ изъ ближайшихъ окрестностей Москвы на Москвѣ-рѣкѣ.

Въ характерѣ Александра Платоновича была великая аккуратность, переходящая иногда границы и не даромъ братъ Николай про него говаривалъ: „А. Пэ.—педантъ.“ Дѣйствительно въ немъ не было и тѣни той широты, какою не разъ проявлялъ Николай Платоновичъ, любившій причислять себя къ типу гоголевскаго семейства Хлобуевыхъ, отличительное свойство которыхъ была „смѣсь нищеты съ роскошью.“ Но надо отдать справедливость Александру Платоновичу: исполняя въ „Патріаршей палатѣ“ обязанности „отца-эконома,“ онъ часто сдерживалъ брата Николая и не разъ бывалъ совершенно правъ. Обязанный многимъ брату, онъ горячо любилъ его и заботливо и ревниво охранялъ его, навлекая порой его же неудовольствіе. То же происходило и въ дорогѣ, когда братья, „осеннія мухи,“ по выраженію Николая Платоновича, изъ года въ годъ ѣздили къ намъ въ Михайловское, а послѣдніе годы и въ Гіевку къ Мирскимъ, или проѣзжали черезъ Москву, всегда проводя нѣкоторое время въ древней столицѣ, гдѣ у нихъ были свои старинныя связи и знакомства.

Мечта Александра Платоновича, не разъ имъ высказываемая, была поселиться гдѣ-нибудь въ древнемъ, живописномъ, уѣздномъ городѣ и тамъ въ тишинѣ и уединеніи предаться излюбленнымъ историческимъ занятіямъ. Онъ мечталъ, будь у него средства, устроить себѣ просторный и удобный рабочій кабинетъ, гдѣ онъ окружилъ бы себя особыми, нарочно для того заказанными деревянными козлами, гдѣ располагались бы всѣ необходимые и подготовленные имъ источники, выписки и матеріалы, какъ онъ обходилъ бы эти козлы и слѣдилъ бы за своими героями и выдвигалъ бы ихъ во время.

Разумѣется, все это была одна мечта. Никуда изъ Петербурга онъ уѣхать не могъ, а послѣ кончины старшаго брата, остался одинокимъ, но ревностнымъ хранителемъ общей прежде квартиры, что легло труднѣе на его плечи, квартиры, столь много перевидавшей на своемъ вѣку за гостепріимнымъ столомъ въ Патріаршей палатѣ, какъ называлась столовая, кругомъ увѣшанная портретами іерарховъ Русской церкви, собраніе коихъ было дѣломъ преимущественно Александра Платоновича, съ его же собственноручной развѣской; или въ „каедральной“, какъ называлась гостинная, гдѣ не разъ происходили чтенія вслухъ за столикомъ съ двумя свѣчами въ серебрянныхъ шандалахъ посреди комнаты и гдѣ царилъ въ положенное время класическій нѣкогда вистъ, „единственное утѣшеніе въ жизни,“ а въ послѣдніе годы водворилась болѣе модная игра, бриджъ.

Въ разговорѣ Александра Платоновича не было того блеска и остроты ума, что сверкали въ рѣчи Николая Платоновича. Послѣ смерти послѣдняго онъ даже какъ то особенно опустился, осунулся, сдалъ.. Онъ всегда и прежде нуждался въ нѣкоторой поддержкѣ, въ духовномъ поощреніи, въ поливкѣ, по его собственному выраженію, а теперь, осиротѣвъ и лишившись близкой опоры, былъ, что называется, конченъ. Послѣ смерти брата отлетѣлъ духъ изъ Патріаршей палаты и грустно было посреди ея стѣнъ...

Но память брата была для него священна. Въ годовщину кончины всегда служилась въ кладбищенской церкви заупокойная обѣдня и паннихида на могилѣ, а затѣмъ иной разъ поминали у Смурова.

Онъ былъ добрый человѣкъ и любилъ дѣтей. Старый драгунскій офицеръ, въ молодости не отказывавшійся отъ удовольствій, онъ кое что видѣлъ на своемъ вѣку и имѣлъ даже прикосновеніе къ дуэли. Въ молодые годы онъ съ увлеченіемъ переписывалъ ходившія по рукамъ

статьи „Съ того берега“ и до конца жизни сохранилъ приемы нѣкоторой свѣтскости.

Онъ былъ глубоко религіозный человѣкъ и любилъ красоты православной службы. Любимымъ его храмомъ въ Петербургѣ былъ Казанскій соборъ и онъ часто туда ходилъ, но иногда посѣщалъ и нашу домовую церковь на Фонтанкѣ въ нѣкоторые особые дни. Последній разъ мнѣ привелось его видѣть какъ то зимой. Ничто не предвѣщало близкаго конца. Онъ интересовался вышедшимъ описаніемъ Тихвинскаго женскаго монастыря въ Борисовкѣ, основаннаго Бор. Петр. Шереметевымъ и на основаніи опубликованныхъ данныхъ, заключавшихъ и личныя распоряженія фельдмаршала. сдѣлалъ живую его характеристику въ письмѣ по поводу выхода названной книги.

Находясь минувшей весной въ Крыму, я узналъ тамъ о его внезапной кончинѣ и получилъ на свой запросъ отъ близкаго ему князя Петра Дм. Святополкъ-Мирскаго телеграмму, изъ которой узналъ, что кончина его была тихая и христіанская „всѣмъ намъ въ образецъ,“ какъ прибавлялъ князь, а вскорѣ пришло извѣстіе и о кончинѣ самого князя Петра Дмитриевича...

Въ ночь съ 14-го на 15-ое Апрѣля Александръ Платоновичъ почувствовалъ себя дурно. На другой день вечеромъ посѣтилъ его Сергѣй Терт. Филипповъ и были вызваны врачи, искусственно поддерживавшіе дѣятельность ослабѣвшаго сердца. Въ отвѣтъ на вопросъ, предложенный, Сергѣемъ Тертіевичемъ не желаетъ ли больной приобщиться, онъ съ радостью выразилъ согласіе, сказавъ: „Вотъ это главное.“ Еще до прихода священника, Александръ Платоновичъ потребовалъ себѣ зажженную свѣчу и требникъ и самъ сталъ читать свою отходную, ясно произнося дивныя и умилительныя слова молитвъ первыхъ вѣковъ христіанства...

Когда прибылъ приходскій священникъ Исакиевскаго собора и духовникъ, тотъ же, что приобщалъ Николая Платоновича, о. Викторъ Григорьевичъ Смирнягинъ, больной сподобился приобщиться Св. Таинт., а затѣмъ сталъ прощаться съ присутствовавшими родными. съ С. Т. Филипповымъ, съ прислугой и скоро тихо отошелъ въ иной лучшій міръ.

Онъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ рядомъ съ братомъ и скоро воздвигнется и надъ нимъ красивый бѣлый каменный Визан-

тійскій крестъ съ мозаикой въ кругу, какъ онъ поставилъ надъ могилой брата.

Любители старины могутъ быть спокойны. Собраніе братьевъ Барсуковыхъ перевозится въ Ржевъ, будетъ размѣщено въ домѣ пріобрѣтшаго это драгоцѣнное собраніе Сергѣя Терт. Филиппова и нерушимо сохранится имъ на память и назиданіе будущихъ поколѣній о тѣхъ двухъ почтенныхъ братьяхъ отшельникахъ, что превратили всю свою жизнь въ одно служеніе отечественному просвѣщенію и познанію судебъ родной земли.

Графъ Павелъ Шереметевъ.

Михайловское.
20 Іюля, 1914.

